ков. Мы имеем все основания предполагать, что именно дело Серапиона было поводом к началу открытых столкновений между учениками Иосифа и Нила. Когда, еще при жизни Нила Сорского, два постриженника Волоколамского монастыря, Нил Полев и Дионисий Звенигородский, отправились с благословения Иосифа на поселение к заволжским «пустынникам», они не встретили со стороны заволжцев враждебного отношения. «Изначала», по свидетельству одного из них, между ними и учениками Нила существовала даже «духовная любовь». Однако после скандала с Серапионом положение резко переменилось: уже известный нам белозерский «старец» Герман назвал иосифлян отлученными от церкви; в ответных письмах иосифлянин Нил Полев призвал своего обидчика, будучи «ногой», не судить «главе» — «сиречь митрополиту и всему собору Русская митрополия и отцу нашему и священно-иноку игумену Иосифу».[165] Окончился этот спор весьма резким конфликтом: иосифляне обвинили одного из «заволжцев» в ереси, но не сумели убедить в этом великого князя и, благодаря вмешательству Вассиана Патрикеева, сами попали в заточение в Кириллов монастырь.[166] Об участии нестяжателей в споре о Серапионе свидетельствует и другой памятник, относительно недавно обнаруженный В. Ф. Ржигой. Это — послание неизвестного автора Иосифу, в котором автор очень едко высмеивает аргументы волоцкого игумена в споре с новгородским архиепископом. Кто бы ни был автором этого послания: двоюродный брат Вассиана Патрикеева И. И. Третьяков[167] или сам Вассиан,[168] нестяжательский характер памятника не вызывает сомнений.

Таким образом, первое активное выступление нестяжателей против Иосифа тесно связано с конфликтом между волоколамским игуменом и новгородским владыкой — конфликтом, социально-политический смысл которого достаточно ясен. Каково бы ни было отношение Иосифа к великокняжеской власти во время его борьбы с ересью, в 1508—1511 гг., волоколамский игумен несомненно объективно защищал централизацию против сепаратизма, выступал против носителей идей феодальной раздробленности — местного удельного князя и его защитника, новгородского архиепископа. Настроения сподвижников волоколамского князя очень ярко рисовал в одном из своих посланий Иосиф, жаловавшийся на нелюбовь к нему «велмож», заявлявших: «С собою ли он принес? Монастырского не дает! Оскудит ли тем монастырь?».[169] Теми же взглядами вдохновлялся и другой недруг Иосифа — Серапион. «Волен я в своем чернце, — говорил Серапион на соборе 1509 г., — а князь Федор волен в своем монастыре, хочет — грабит, хочет — жалует».[170]

Выступая в защиту этих носителей феодального сепаратизма, нестяжатели в сущности проникались теми же настроениями и исходили из тех же позиций. «Почему еси дворянин великого князя?» — иронически вопрошал Иосифа автор анонимного послания, найденного В. Ф. Ржигой.[171] Связь нестяжательства с идеологией феодальной знати, со всей ясностью обнаруживающаяся в середине XVI в., берет свое начало, как мы можем думать, от первых выступлений князя-инока Патрикеева в 1508—1511 гг.,

---

[165] В. Жмакин. Нил Полев. ЖМНП, 1881, № 8, стр. 189—196.

[166] Прибавление к творениям святых отцов, X, стр. 506—507.

[167] В Ф Ржига. Из полемики «иосифлян» и «нестяжателей». Известия Академии наук СССР, Отделение гуманитарных наук, 1929, № 9, стр. 812.

[168] Так предполагает А. А. Зимин.

[169] В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, стр. 129.

[170] ДРВ, т. XIV, стр. 196.

[171] В. Ф. Ржига. Из полемики «иосифлян» и «нестяжателей», стр 809.